

Проф. Н. Г. ВЯВИН

Член Московской Коллегии Защитников

НИЧТОЖНЫЕ СДЕЛКИ

(Ст. 30 Гражд. Код. РСФСР и УССР и последствия ее нарушения).

Издательство
„ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА“
Москва — 1926

Значение и условия применения ст. 30.

Содержание и значение ст. 30. Ст. 30 Гражд. Код. объявляет сделку недействительной, 1) когда она совершена с целью, противной закону; 2) когда она идет в обход закона и 3) когда она направлена к явному ущербу для государства.

Значение этой статьи ясно из самого ее содержания: она имеет своею целью ограничить свободу совершения юридических сделок, подчинить частную волю и интересы — воле и интересам государства. В этом отношении она совпадает со ст. 134 Герм. ул., ст. ст. 19 и 20 Швейц. обяз. пр. и ближе всего примыкает к ст. 1529 наших б. Гражданских Законов, ибо, как и последняя, она содержит в себе положение о недействительности сделки, когда она противоречит интересам государства, чего нет ни в ст. 134 Герм. ул., ни в ст. 19 и 20 Швейцарского обязательств. права.

Сделки ничтожные и оспоримые. Понятие недействительности сделки — понятие родовое. Оно покрывает собою как ничтожность сделки, так и ее оспоримость.

Сделка признается ничтожной, когда она не соответствует тем условиям, кои закон считает необходимыми для бытия всякой юридической сделки или только для данного типа и рода юридических сделок. Она не производит никаких юридических последствий, как если бы ее вовсе не было, при чем суд не только вправе, но и обязан, помимо требования заинтересованных лиц, по собственной инициативе, отказать в защите основываемых на ней прав¹⁾. В противоположность ей, оспоримой сделка признается там, где идет речь о нарушении предписаний закона, установленных для ограждения

¹⁾ Поскольку ничтожная сделка признается таковой с самого начала, предъявления иска о ее недействительности не требуется. Исковые требования могут направляться непосредственно на те последствия, которые вытекают из ее ничтожности.

интересов частных лиц. В виду этого оспоримая сделка, по началу неуместительности государства в частные интересы отдельных лиц, сама по себе юридически не безэфектна. Она открывает лишь возможность для заинтересованных лиц доказывать ее недействительность. Таким образом, оспоримая сделка, в отличие от ничтожной, может быть признана недействительной лишь по требованию тех, кого она касается, но никоим образом не по инициативе суда. Поскольку заинтересованные лица этой инициативы не проявляют, суд обязан рассматривать ее, как сделку правомерную.

Этого различия между двумя видами недействительных сделок наш Гражданский Кодекс, подобно X-му тому, в своей терминологии не приводит. Термин „недействительная сделка“ в нем одинаковым образом покрывает как сделку ничтожную, так и сделку оспоримую. В этом случае его терминология в отношении точности отвечает от терминологии других новейших уложений, так как и Герман. ул., и Швейцарское обязательственное право в самом тексте закона определяют, является ли сделка ничтожной¹⁾ или только оспоримой (необязательной для сторон)²⁾. Этот дефект в терминологии нашего Кодекса открывает необходимость поставить в отношении данной 30 статьи вопрос, имеется ли в виду в ней ничтожность сделки или ее оспоримость.

Как мы уже указали выше, целью ст. 30 является подчинить волю и интересы частного лица воле и интересам государства. Таким образом, толкуя эту статью по ее цели, необходимо прийти к выводу, что в ней речь идет о недействительности сделок в смысле их ничтожности. Следовательно, ее применение для суда является обязательным ex officio, помимо ходатайства о том заинтересованных лиц.

На точке зрения именно такого понимания значения данной статьи стоит и наша судебная практика. Народные и губернские суды приняли ее без колебаний с первого-же момента вступления в действие и применения ими Гражданского Кодекса. Свою санкцию этой практике Верховный Суд РСФСР дает в определении Исаева от 15 декабря 1923 г. (Прот. № 20) по делу 1-го Курского Торгового объединения с Нижегородским Губтрестом³⁾.

¹⁾ Ст. 131 Герман. ул.—*nichtig*; ст. 20 Швейц. обяз. пр. *nichtig*.

²⁾ Ст. 119—121 Герман. ул.—*anfechtbar*; ст. 23, 28, 29 Швейц. обяз. пр. *unverbindlich, nicht verbindlich*.

³⁾ Сборник Циркуляров Верховного Трибунала за 1921, 1922 г.г. и Верховного Суда за 1923 г., стр. 79.

Рассмотрим в отдельности случаи ее действия.

Сделки противные закону. I. Едва ли можно сомневаться в праве государства устанавливать необходимые условия общежития и вполне понятно, что частые лица должны быть ограничены в своем произволе действовать вопреки этим условиям и тем самым нарушать установленный правопорядок. Ввести этот произвол в определенные рамки в области частно-правовых соглашений и имеет своею первой задачей трактуемая статья. Указанную задачу она разрешает путем объявления недействительности всякой сделки, совершенной с целью противной закону.

Раскрывая смысл этого правила, следует иметь в виду, что не всякая сделка, совершенная с нарушением того или иного закона, будет сделкой недействительной. Для признания недействительности сделки согласно трактуемому правилу необходимо, чтобы она была совершена с целью противной закону, т. е. была бы направлена на достижение таких последствий, кои стоят в противоречии с законом¹⁾.

Совершенно безразлично, будут ли эти противозаконные результаты сделки следствием злой воли кого-либо из ее участников, или обоих их, а равно их добросовестного заблуждения относительно закономерности совершенной сделки или просто следствием их юридической неграмотности. Поскольку данное правило стремится провести в обороте принцип законоподчинения, субъективный момент при его применении играть роли не может и не должен. Иначе пришлось бы признавать действительными сделки, правовой эффект которых стоял бы в явном противоречии с законом. С этой точки зрения, не представляется возможным согласиться с определением Гражданской Кассационной Коллегии Верховного Суда РСФСР по делу № 32352—24 г., в котором Верховный Суд ставит одним из условий для применения ст. 30, чтобы стороны, т. е. оба контр-

¹⁾ С этой точки зрения является совершенно правильным определение ГКК Верховн. Суда по делу № 31712—1924 г. (Опред. Гражд. Касс. Колл. Верховсуда РСФСР за 1924 г., № 97, стр. 118, в котором признано, что, если помещенные в векселе, выданном в СССР с местом платежа в СССР, иностранной валюты и нарушает п. „в“ ст. 2 Полож. о векселях, то это само по себе не составляет нарушения ст. 30 Гражд. Код. Здесь только документ, лишенный вексельной силы, а является ли этот документ ничтожным с точки зрения ст. 30, как обще-гражданское долговое обязательство, разрешение этого вопроса зависит всецело от той цели, которую стороны преследовали, вступая в подобного рода отношения.

агента, „сознательно допустили противозаконность или обход закона, т.-е. выявили бы злую волю“¹⁾). Так как всякое отношение обсуждается по моменту его возникновения, то трактуемое правило касается только тех случаев, в которых противозаконность цели сделки имеется на лицо при самом ее совершении. Отсюда, сделка, являющаяся закономерной в момент ее заключения, не может быть опорочена впоследствии в связи с изменением санкционированного ее закона и, наоборот, сделка противозаконная во время ее возникновения, не может получить силы впоследствии, поскольку закон, воспрещавший ее, будет отменен²⁾). Так решает этот вопрос и Г'КК Верховного Суда РСФСР в вышеприведенном определении. Поскольку воля сторон, определяющая сделку, выявляется сама из текстуального смысла этой сделки, необходимо, чтобы противозаконность цели сделки вытекала из ее содержания, из самого ее смысла. Обстоятельства, лежащие за пределами ее содержания, таким образом, значения не имеют и силы ее не колеблют. Отсюда, трактуемое правило не применимо, напр., к тем сделкам, заключение или осуществление коих сопровождалось действиями, противными закону. Будут ли эти действия касаться участников сделки или третьих лиц, — это безразлично. В первом случае, если, например, сделка явилась результатом заблуждения, обмана или принуждения, она будет только оспоримой и в этом своем виде подходит под действие ст. 32 Гражданского Кодекса, но никоим образом — не ст. 30, а, во втором, когда, например, специально для ее написания была украдена бумага или насильственно занято чужое помещение, она просто остается в силе. Равным образом, безразличны для судьбы сделки с точки зрения трактуемого правила те мотивы, которыми стороны руководствовались при ее заключении, хотя бы эти мотивы были противозаконны и даже преступны. Для чего я купил нож, — для того ли, чтобы им резать хлеб или совершить убийство, — ответ на этот вопрос для действительности договора купли-продажи никакого значения иметь не может. И при том, и при другом ответе — этот договор остается в силе, ибо те сообра-

1) Определения Гражд. Касс. Колл. Верховсуда РСФСР № 124 г., № 127. стр. 149. Выявление контрагентами злой воли при заключении сделки имеет значение при обсуждении последствий ничтожности сделки, но не для признания ее ничтожности. См. ниже, II.

2) См. Опред. Пленума Верховного Суда РСФСР от 9 июля 1923 г. — Прот. № 12, 1 б. — Сборник циркуляров Верх. Триб. ВЦИКА'а за 1921 и 1922 г.г и Верховного Суда РСФСР за 1923 г., стр. 64.

жения, те мотивы, которые побудили меня заключить его, лежат за пределами его содержания.

Конкретно, к числу сделок, совершенных с целью противной закону, в первую очередь надлежит отнести сделки, направленные к нарушению норм публичного права, в частности норм права уголовного. Договор найма совершить убийство, как и договор товарищества с целью изготовления самогона и торговли им — оба недействительны, ибо преследуют достижение последствий, наказуемых уголовным законом¹⁾. Но не будет недействительным трудовой договор, заключенный на срок не более одной недели без выдачи нанимателем расчетной книжки²⁾, хотя в этом виде и составляет деяние, караемое по Уголовному Кодексу, ибо кара налагается в данном случае не за те последствия, на которые этот договор направлен, а за несоблюдение при его заключении требуемой законом формальности³⁾. Равным образом не будет недействительным и договор дарения, если кто-либо подаст нищему, хотя бы нищенство и составляло уголовно наказуемый проступок.

Далее, сделкой противной закону будет всякая сделка, когда из содержания закона следует, что она запрещена. Этот запрет может быть выражен *verbis expressis* (словами „запрещается“, „не должно“, „не может“ и т. п.), в тексте самого закона. Так, именно, законодатель поступает в ст. 1 Пост. СТО „О валютных и золотых сделках государственных и кооперативных учреждений и предприятий“ (Собр. Узак. 1922 г. № 48, ст. 609), а равно в ст. ст. 154 и 166 Гражд. Кодекса. Но чаще запрет вытекает из общего смысла закона, вскрываемого путем толкования. Например, ст. 418 Гражд. Код. точно фиксирует круг лиц, кои могут быть призываемы к наследованию как по закону, так и по завещанию. Толкуя это правило по началу *arg. a contrario*, 3 Отд. НКЮ РСФСР совершенно правильно разъясняет, что завещание на имя лица, не имеющего по ст. 418 наследственных прав, является недействительным (Еж. С. Ю. 1924 г., № 19—20). Нередко запрет, обнимающий одну категорию юридических сделок, в зависимости от той цели, которую законодатель имел в виду при его установлении, получает значение общего правила, и, в силу распространительного его толкования, покрывает собою и другие категории

¹⁾ Ст. ст. 140-а и 142 Уг. Код.

²⁾ Ст. 29 Код. зак. о труде.

³⁾ Ст. 132 Уг. Код. Ст. 5 Пост. СНК от 30 авг. 1922 г.

родственных сделок. Примером этого может служить разъяснение Пленума Верховного Суда, что в случае дарения немунципализированных жилых строений должно быть соблюдено условие п. 1 ст. 183 Гражд. Код., чтобы в руках одаряемого не оказалось двух или более строений. (Из протокола № 12 от 9 июля 1923 г.).

Строго говоря, рассеянные в нашем гражданском законодательстве многочисленные запрещения тех или иных сделок касаются их, в большинстве случаев, лишь постольку, поскольку законодатель считает недопустимым, чтобы эти сделки совершались той или иной категорией лиц или относились к тому или иному имущественному благу (ст. ст. 21, 22 и 53 Гражд. Код.). Часто это запрещение имеет в виду и то, и другое вместе (ст. 1 Пост. СТО „О валютных и золотых сделках государственных и кооперативных учреждений и предприятий“—Собр. Узак. 1922 г. № 48, ст. 604). Иногда оно устанавливается в зависимости от суммы сделки (ст. ст. 138 и 416 Гражд. Код.). Но сделок, подлежащих запрету в силу их природы, как таковых — безотносительно к лицам, объектам и суммам их, оно называет очень ограниченное количество. Это — те сделки, а чаще — те отдельные соглашения, мыслимые при заключении той или иной сделки, которые оно путем особой декларативной нормы или путем особой к тому или иному правилу оговора объявляет недействительными. Такое явление обычно получает место в тех случаях, когда, во избежание сомнений, законодатель хочет определить, что правило, регулирующее то или иное отношение, должно пониматься в значении принудительной нормы, недопускающей никаких отступлений от заключенного в ней предписания. Пример декларативной нормы, объявляющей недействительной сделку в ее целом, нам дает ст. 10 Гражд. Код., а пример особых оговорок, аннулирующих отдельные соглашения, мыслимые в составе той или иной сделки, ст. ст. 257, 285 и 306 Гр. Код. То обстоятельство, что законодатель в перечисленных статьях прямо и *dominatum* объявляет недействительными указанные в них сделки и соглашения, а не ограничивается, как обычно, только их запретом, разумеется, не ставит эти сделки и соглашения в какое-либо особое положение по сравнению с другими запрещенными сделками, подпадающими под действие трактующего правила. Именно, он и объявил их недействительными, потому что предварительно признал запрещенными. Отсюда необходимо сделать вывод, что и на эти сделки и соглашения распространяются те последствия, кои связаны с признанием сделок недействительными до ст. 30.

Наконец, противозаконными пужно считать все сделки, порочные с точки зрения ст. 1 Гражд. Код. Означенная статья лишает гражданские права их законной охраны, поскольку они находятся в противоречии с их социально-хозяйственным назначением. Таким образом, согласно заключенному в ней правилу, характер цельна достижение которой право направлено, делает самое это право неправомерным и поражает его. Так как с поражением права, очевидно, падает и самое правоотношение, то всякая юридическая сделка, обосновывающая право, которое стоит в противоречии с его истинной целью, eo ipso является недействительной. Правило ст. 1 имеет общее значение, и в этом виде его действие распространяется на сделки всякого рода и вида, хотя бы в отношении своей закономерности эти сделки не возбуждали сомнения ни по своим субъектам, ни по своим объектам, ни по размерам своих сумм. Практика идет еще дальше и признает его в качестве критерия закономерности и допустимости у нас сделок, непредусмотренных действующим правом. С наибольшей выпуклостью этот взгляд на него развивается в разъяснении 3 Отд. НКЮ РСФСР по вопросу о том, могут ли наши суды оказать свою защиту сделкам, вытекающим из игры на интерес (в карты, на билларде, в казино, пари, на конских бегах и скачках). Поставленный вопрос им разрешается отрицательно в виду указанного понимания смысла и значения данной статьи с последовательной ссылкой на ст. 30 Гражд. Код. и ст. 4 Гражд. Процесс. Код. (Еж. С. Ю. 1924 г. № 28)¹.

II. Признав недействительной сделку, совершенную с целью противной закону, законодатель, естественно, должен признать не действительной и сделку, направленную в обход закону. Последнее вытекает из первого, как необходимое следствие, — при чем настолько необходимое, что Герм. улож., напр., объявив в ст. 134 недействительной сделку, нарушающую установленный запрет, совершенно умалчивает о сделках в обход закона, считая, что их недействительность сама собою очевидна при логическом толковании означенной нормы.

Сделка должна считаться совершенной в обход закона, когда она имеет свою целью привести окольными путями к последствиям,

¹ Здесь возникает весьма интересный вопрос о силе сделок по игре в лотереи, образованные в виду Декр. СНК от 26 мая 1924 г. и 30 мая 1923 г. и существующие еще и поныне.

которые стоят в противоречии с законом¹⁾. Такие последствия могут быть достигнуты различными способами, но обычно здесь прибегают к помощи так называемых симулятивных (притворных) и фидуциарных (доверительных) сделок. Первые из них нормируются ст. 35 Гражд. Код. Они признаются действительными— и лишь подлежат обещанию по тем законам, которые относятся к прикрываемой сделке. Следовательно, если прикрываемая сделка совершена с целью противной закону, то ее недействительность влечет за собою недействительность и притворной сделки. В этом отношении трактуемое правило о недействительности сделок, совершенных в обход закона, самоовлекущей роли не играет и только санкционирует справедливость указанного вывода. Едва-ли можно согласиться с мнением Кас. Кол. Верховного Суда РСФСР, выраженном в ее определении по делу № 3807 (Еж. С. Ю. 1924 г. № 22), что формальный договор купли-продажи строения, совершенный после 8 авг. 1921 г. в замену и исполнение неформального такого-же договора на это имущество, совершенного до 8 авг. 1921 г., в коем продавец выразил согласие пересовершить его в установленной форме в случае изменения политической и экономической конъюнктуры, является сделкой притворной. Здесь нет притворности, ибо намерение сторон заключалось в том, чтобы совершить, именно, договор, купли-продажи—и этот договор купли-продажи ими и совершен. Перед нами отношение иного порядка, где возникает вопрос о судьбе сделок, относящихся по моменту их совершения к числу запрещенных и потому ничтожных, но впоследствии освобожденных от этого запрета и пересовершенных в установленном порядке. Не оспаривая правильности конечного суждения Кассационной Коллегии, что купля-продажа строения, совершенная до 8 авг. 1921 г., является в виду ст. 30 Гражд. Код., явно противозаконной и недействительной и что этим обстоятельством должна определяться и судьба второй купли-продажи этого строения, как вытекающей из первой, мы полагаем, что это суждение должно быть основано на том соображении, что обе указанные сделки, как основанные на одном и том же волеизъявлении и направленные на абсолютно тождественные юридические последствия, по своему существу должны признаваться единым юридическим

¹⁾ Удачные примеры сделок, направленных в обход закона, дает циркуляр Н. К. Ю. РСФСР № 99—24 г. „О борьбе с обходами законодательства о труде“ (Ежен. С. Ю. 1924 г. № 27).

отношением, выраженным лишь в различных по своей форме актах. Очевидно, последующее сообщение сделке, запрещенной в момент ее совершения *по соображениям публично-правового характера* и ничтожной *ab ovo*, правильной юридической формы, установленной с отменой запрета для сделок подобного рода на будущее время, не может обосновать ее действительности¹⁾.

Что касается сделок фидуциарных, то под ними разумеются сделки, совершенные ввиду взаимного доверия контрагентов в такой форме, которая предоставляет одному из них больше прав, чем это следовало бы сообразно тому правоотношению, которым они в действительности имеют намерение связать себя. Типичным примером фидуциарной сделки является сделка с подставным лицом, как это нередко получает место в вексельном обороте, когда вместо поручительной надписи на векселе ставят передаточную. По общему правилу, такие сделки, в отношении третьих лиц (в нашем примере — для векселеобязанного лица) силы не имеют, но в отношении контрагентов (векселедержателя и лица, которому он поручил получение платежа) признаются вполне действительными²⁾. Между этими лицами они обсуждаются, как сделки притворные. Нет сомнения, что путем такого рода сделок, поскольку они открывают возможность заменять себя другим лицом, особенно легко достигать последствий, воспрещенных законом. Достаточно указать в виде примера на тот весьма возможный случай, когда кто-либо, не будучи сам управомоченным на приобретение муниципализированного жилого строения в виду п. 1 ст. 183 Гражд. Код., доверительно приобретает его на имя своего знакомого. Обход закона в данном случае очевиден, — и сделка между юридическим и фактическим приобретателем этого строения должна почитаться недействительной по правилу трактуемой статьи. Отсюда возникает вопрос о судьбе самого строения. Очевидно, что строение подлежит действию той санкции, которую дает статья 30-й статья 149. Но об этом мы будем говорить ниже.

III. Значение правила о недействительности сделок, направленных к явному ущербу для государства, очевидно: им законодатель преграждает возможность для частного оборота вредить интересам государства.

**Сделки в ущерб
государству.**

¹⁾ Ср. Виндшейд, Уч. пандектн. права § 83 — об обратном действии подтверждения ничтожного юридического акта. См. выше, стр. 6.

²⁾ Aubry et Rau, I, § 35; Cosack I стр. 204, 205; Сибирский — Русск. Гр. Пр. вып. I, стр. 87, изд. 1917 г.

Для применения этого правила необходима наличность следующих обстоятельств:

1) Чтобы сделка была *в ущерб* государству, т. е., чтобы она причиняла государству положительный имущественный вред, давала бы реальный экономический минус¹⁾. То, что государство не получит по сделке прибыли, роли не играет, ибо неполучение прибыли — только упущение выгоды (ст. 117), а не ущерб в прямом значении этого слова. Так как закон не устанавливает никакого критерия для определения размера ущерба, поражающего сделку, то необходимо признать, что всякая сделка, заключенная в ущерб государству, как бы этот ущерб ни был незначителен, может быть, при наличии прочих условий, требуемых рассматриваемым правилом для его применения, признана недействительной. Верховный Суд РСФСР, очевидно, также разумеет под словом ущерб только ущерб имущественный. По крайней мере в его определениях, относящихся к интерпретации данной статьи, нет не только прямого указания, но даже косвенного намека, из которого можно было бы сделать вывод, что он соединяет с этим словом представление о невыгодах какой-либо иной категории. Иначе подходит к выявлению этого понятия Верховный Суд УССР. Он устанавливает три вида ущерба: ущерб материальный, хозяйственный и политический²⁾ и все их подводит под действие данной статьи. Неправильность этой позиции очевидна. Ущерб материальный, как и ущерб хозяйственный — только ненужное расчисление ущерба имущественного, ибо последний обнимает собою оба предыдущих, а ущерб политический, поскольку он является результатом той или иной сделки, всегда предполагает коллизии этой сделки с публично-правовым законом и, следовательно, ставит ее под действие первого правила трактуемой статьи: она ничтожна потому, что является противозаконной.

2) Чтобы ущерб, причиняемый сделкой был *явным*, т. е. таким, который был бы настолько очевидным, что не возбуждал бы *в своем наличии* сомнений. Поскольку этой очевидности нет, поскольку наличие ущерба вызывает сомнение, это сомнение должно толковаться в пользу действительности сделки. Ущерб может быть очевиден при самом совершении сделки, но он может быть обна-

1) Ср. ст. 128-ю Уг. Код.

2) Опр. ГКК по делу Черного № 74—1924 г. „Вест. Сов. Юст.“ № 3—1925 г.

ружен и впоследствии. Во всех случаях суд, его обнаруживший, обязан признать сделку недействительной *ex officio*, поскольку она по своим прочим условиям подходит под действие данного правила.

3) Чтобы сделка была направлена в ущерб *государству*, т. е., чтобы ущерб государству стоял в непосредственной причинной связи с фактом ее совершения, следовательно, чтобы этот ущерб был непосредственным ее результатом¹⁾. Отсюда, должно признаваться неимеющим значения то обстоятельство, если сделка впоследствии, в результате изменения конъюнктуры рынка или каких-либо иных оснований, не бывших палицо при ее заключения, окажется совершенной в ущерб государству, хотя бы этот ущерб и не вызывал сомнений по своей очевидности. „Согласно ст. 30, поясняет Гражданская Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР в своем определении по делу № 3519—1925 г., недействительны те сделки, которые направлены к явному ущербу для государства, т. е. те сделки, которые в момент заключения были совершены с явным ущербом для государства, поэтому невыгодность сделки для государства или госпредприятия, как стороны в договоре, происшедшая по тем или иным причинам после заключения сделки, не может служить основанием для признания по 30 ст. Гражд. Код. сделки недействительной“²⁾. Аналогичное суждение вызывает и Гражданская Кассационная Коллегия Вер-

¹⁾ Поскольку закон в трактуемом правиле говорит только о недействительности сделок, направленных к явному ущербу для *государства*, т. е. требует для применения этого правила, чтобы непосредственным результатом сделки был ущерб государству, совершенно не представляется возможным согласиться с разъяснением Гр. Касс. Колл. Верховсуда УССР по делу Касанова („Вест. Сов. Юст.“ № 7 за 1925 г.), в котором признается недействительным договор, заключенный кооперацией с частными лицами, поскольку он, являясь убыточным для кооперации, влечет за собою неоправданное хозяйственное обогащение частного лица и налагает на крестьянское население непомерные тяжести в пользу частного лица (по уплате ему вознаграждения за помол.). Нет сомнения, что государство заинтересовано в развитии кооперации, но кооперация все же не государственная организация, не госпредприятие. Поскольку трактуемое правило является законом специальным, метод распространительного толкования к нему неприменим вообще.

²⁾ Гражд. Код. РСФСР с постоянным систематическим материалом Изд. НКЮ РСФСР, 1925 г. стр. 249. Та же мысль высказывается и в определении по д. № 33986—1925 г.: „договор, который в процессе исполнения его оказался невыгодным для государства, не дает основания к его расторжению“. Там-же, стр. 251.

ховного Суда УССР в определении по делу Черного № 74—1925 г.: „Для признания сделки, направленной явно к ущербу для государства, необходимо, чтобы этот ущерб был необходимым последствием самого факта заключения данной сделки с данным ее содержанием, а не являлся результатом бесхозяйственности или недобросовестности контрагента, проявленной уже при исполнении договорных обязательств“¹⁾). Поскольку недействительность сделки зависит от причинной связи ее наличия с ущербом для государства, вопрос о добросовестности сторон при ее совершении роли не играет: действовали они в этот момент добросовестно или нет, сделка и в том, и в другом случае должна быть признана недействительной, если она ведет к явному ущербу для государства²⁾).

4) Так как государство проявляет свою многостороннюю жизнь во вне через отдельные органы, то совершенно безразлично, в лице какого государственного органа ему будет причинен ущерб — будет ли то учреждение, или предприятие, или объединение последних. Равным образом, безразлично, переведено ли то или иное предприятие или объединение их на хозяйственный расчет или финансируется в сметном порядке. Все они в своей деятельности одинаково представляют государство в его целом, и удар по каждому из них в отдельности есть удар, направленный против государства в его целом.

5) Вопрос о том, кто является участником сделки, для применения трактуемого правила значения не имеет. Это правило поражает недействительностью вообще всякую сделку, направленную к явному ущербу для государства, независимо от ее персонального

1) „Вест. Сов. Юст. за 1925 г. № 3. .

2) Идея приоритета интересов государства над интересами частных лиц составляет отличительную черту нашего действующего законодательства. Тот ригоризм, с которым эта идея в нем проводится, дает нам полное основание утверждать, что государство вообще не желает допускать сделок, направленных ему в явный ущерб, будут ли стороны при заключении их действовать добросовестно или недобросовестно. Мысль, что bona fides частного лица не спасает его положения при коллизии его интересов с интересами государства, находит свое определенное подтверждение во 2-й части 60 ст. Гр. Код. Отсюда, при толковании данного правила, мы и склоняемся в сторону объективного момента. Что субъективное начало вообще не играет в нашем законодательстве решающей роли и не может служить безусловным критерием, за это говорит и то соображение, что при ответственности за правонарушение наш Гр. Код. оставовился на признании теории причинения, а не теории вины.

состава, будут ли ее участники госорган и частное лицо, или два частных лица, или два госоргана. Ни в первом, ни во втором, ни в третьем случае государство одинаково не желает терпеть ущерба. По отношению к третьему случаю следует отметить, что здесь необходимо проводить различие между ущербом, причиняемым сделкой госоргану, участвующему в ней, и ущербом, причиняемом государству, как целому. Ущерб, причиняемый сделкой только госоргану, как бы этот ущерб ни был явен, поразить сделку недействительностью, очевидно, не может, ибо поскольку он компенсируется той выгодой, которую получает от этой сделки другой госорган, участвующий в ней, государство, как целое, ущерба не терпит. Следовательно, под действие настоящей статьи попадают только такие сделки между госорганами, в результате которых ущерб падает только на государство, как целое, напр., комисионная сделка, по которой госорган—комитент предоставляет госоргану-комиссионеру без достаточного основания право кредитовать частных лиц на срок более продолжительный, чем это принято в обороте, или на условиях, явно убыточных для себя.

б) Так как вся ст. 30 установлена в публично-правовых интересах и отнесена к общей части Гражданского Кодекса, то при коллизии трактуемого правила со всякой иной частно-правовой нормой, решающее значение должно признаваться за ним. Так, согласно общим правилам о купле-продаже, установление цены объекта купли-продажи предоставляется всецело усмотрению сторон. Института *justum pretium* наш Гражданский Кодекс не знает, и покупатель не вправе оспаривать сделку, если впоследствии окажется, что он купил вещь по несоразмерно высокой цене. Однако, если таким покупщиком будет государственный орган, в отношении подобной сделки должно получить применение трактуемое правило.

В качестве иллюстрации применения данного правила на практике весьма любопытно остановиться на нескольких определениях, принятых Верховными Судами РСФСР и УССР, по вопросу о распространении его действия на сделки, совершенные частными лицами во избежание имущественной ответственности. Так, Гражданская Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР в определении по делу № 3719 — 1924 г. признала правильным решение Суда, расторгнувшего договор об уступке одним из товарищей другому своего пая в товариществе с целью уклонения первого от грозившей ему конфискации имущества по уголовному суду и обратив-

Ст. 30 и Паулианов
иск.

шего все имущество товарищей, бывшее предметом этой незаконной сделки, в доход государства¹⁾. По разъяснению Гражданской Кассационной Коллегии Верховного Суда УССР, кредиторы должника, невыполняющего своих обязательств по отношению к госучреждениям, неуплачивающего зарплаты рабочим и служащим и в то же время распродающего свое имущество, вправе оспаривать заключенные должником сделки по отчуждению имущества²⁾. Недействительны сделки, заключенные должником в обход законных интересов кредитора³⁾.

Приведенные определения представляют собою интерес в том отношении, что в них мы встречаемся с примерами, в которых правилом о недействительности сделок, направленных в ущерб государству, покрываются в полной мере случаи, обычно разрешаемые на основании норм Паулианова иска, отсутствующих в нашем законодательстве. Конечно, *de lege ferenda* о такой замене Паулианова иска возможны весьма обширные споры, но с точки зрения *lex lata* необходимо признать, что Верховные Суды как РСФСР, так и УССР вполне правильно применяют указанное правило ст. 30 к сделкам подобного рода, поскольку на стороне верителей в них стоит государство. Раз должник в момент совершения таких сделок был уже фактически несостоятельным должником, и раз государство лишилось возможности вследствие их исполнения покрыть свое требование к этому должнику, то сделки эти безусловно подлежат признанию недействительными, как направленные в явный ущерб государству. Однако, распространять трактуемое правило на сделки, заключенные во вред кредиторам — частным лицам, совершенно недопустимо, так как это выходило бы за пределы его действительного смысла, как нормы, защищающей исключительно интересы государства. С этой точки зрения приведенное выше разъяснение Гражданской Кассационной Коллегии Верховного Суда УССР, что „недействительны сделки, заключенные должником в обход законных интересов кредитора“ представляется сформулированным слишком обще, ибо покрывает собою и сделки, совершенные в ущерб кредиторам — частным лицам, и потому не может быть принято без соответствующей оговорки, а разъяснение того же Суда о праве

1) Гражд. Код. РСФСР с постратейно-систематизированными материалами. Изд. НКЮ РСФСР, 1925 г., стр. 260.

2) Полное собрание опред. Гражд. Касс. Колл. Верховного Суда УССР за 1923 г., т. II, № 135.

3) Там-же, № 209.

рабочих и служащих оспаривать сделки, заключенные по отчуждению имущества должником, не уплатившим им зарплату, если и может быть признано правильным, то вовсе не потому, что такие сделки подпадают под действие трактуемого правила, т.-е. идут в явный ущерб государства, а потому, что они злонамеренно направлены в нарушение предписаний Кодекса Законов о Труде, соблюдение коих охраняется уголовным законом и, следовательно, являются сделками, совершенными с целью, противной закону.

II.

Последствия нарушения ст. 30.

Общие предпо-
сылки.

Как было указано выше, ничтожная сделка юридических последствий не производит, вследствие чего она не может рассматриваться в качестве источника каких-либо прав и обязанностей между ее участниками. Отсюда, последствием признания сделки ничтожной, по общим правилам, признается возвращение сторон в первоначальное положение, предшествовавшее заключению сделки. Сторона, получившая удовлетворение по подобной сделке, является неосновательно обогатившейся и признается обязанной возвратить все полученное другой стороне¹⁾. Однако, такая реституция получает место не во всех случаях. По ст. 817 Герм. ул., она исключается, если сторона, учинившая удовлетворение, знала, что исполнением обязательства она нарушает постановленный законом запрет или добрые нравы. По ст. 66 Швейц. обязат. права, не подлежит возврату то, что дано с намерением достигнуть противозаконных или безнравственных последствий. Таким образом, реституция по ничтожным сделкам в виду их противозаконности или безнравственности допускается лишь тогда, когда лицо, совершившее исполнение, действовало bona fide. Основанием для подобного решения данного вопроса служит принцип, что государство не может давать охраны таким притязаниям частных лиц, кои вытекают из сознательного нарушения этими лицами законных запретов и требований морали. Принцип безусловно правильный. Однако, в своем голом виде он имеет и свою обратную сторону. Умывая руки, государство тем

¹⁾ Ст. 812 Герм. ул.; ст. 62 Швейц. обяз. пр.

самым санкционирует в отдельных случаях обогащение лиц, наименее достойных по своему образу действий награды¹⁾.

Последствия, предусматриваемые ст. ст. 147—402.

Обращаясь к тем последствиям, кои установлены нашим Гражданским Кодексом для сделок, признаваемых недействительными по ст. 30, мы находим их нормированные *ad hoc* в ст. 147 и 402. Эти последствия сводятся к двум общим, не знающим отступлений положениям:

1) ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору, и

2) неосновательное обогащение лица, принявшего исполнение по договору, взыскивается в доход государства²⁾.

Ясно, что оба эти положения резко отличаются своим риторизмом от тех общих правил Германского и Швейцарского законодательства, которые мы только что изложили. Отрицая, с одной стороны, идею реституции во всех случаях признания сделки недействительной по ст. 30, они с другой,—также во всех случаях этой недействительности, не допускают и удержания исполненного участником сделки. Действовала ли сторона, получившая удовлетворение, *bona fide* или *mala fide*,—это обстоятельство с точки зрения закона значения не имеет. И в первом, и во втором случае ее обогащение должно поступить в пользу государства. Если в двухстороннем договоре исполнение принято обеими сторонами, оно взыскивается и с той, и с другой.

Нет сомнения, что такие последствия не могут вызвать возражений там, где удержание исполнения было бы по существу ничем не мотивированным обогащением лица, его получившим. Указанные последствия по отношению к подобному случаю вполне корректируют ту ненормальность, которую мы отметили выше для Германского Уложения и Швейцарского обязательственного права, когда

¹⁾ Когда, например, веступая в двухсторонний договор обе стороны знают, что они совершают противозаконную сделку. Лишение в этом случае лица, учинившего удовлетворение, но не получившего встречного,—права потребовать уплаченное обратно, фактически незаслуженно обогащает другого участника этого договора, поскольку он добровольно не пожелает вернуть полученное.

²⁾ В решении от 21 февраля 1924 г. по делу Архангельск. и Сев.-Двинского Губернаторов с Сев.-Беломорским Обл. Отд. Госторга, ВАК нашел неправильным применение к делу о споре между госпредприятиями ст. 402 Гр. Код. (Практика Арбитражных Комиссий, выпуск 1, т. 302).

говорили об усвоенном ими принципе невмешательства государства в ликвидацию отношений между сторонами по сделкам, признаваемым ничтожными в виду нарушения ими законных запретов и требований морали. Но в целом эти последствия являются слишком прямолинейными для того, чтобы с ними можно было согласиться. Их ригоризм неминуемо должен был привести и привел судебную практику к сознанию их противоречия как с идеей справедливости, так и с идеей целесообразности. Она оказалась вынужденной отступить от точного смысла ст. ст. 147 и 402 в пользу выхода в установлении другого более гибкого и жизненного критерия.

Однако, критерии, установленные для этой цели Верховными Судами РСФСР и УССР, не одинаковы. В выявлении их они пошли по разным дорогам.

Гражданская Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР дает по этому поводу три определения, на которые ориентируется вся дальнейшая судебная практика и которые поэтому должны быть признаны основными.

Первое из них состоялось 27 июня по делу № 3382 Мухина к Лопашевым о взыскании убытков. Признавая в этом определении, что сделки со строениями, совершенные после издания декрета от 14 дек. 1917 г. до декрета 8 августа 1921 г., являются противозаконными и потому недействительными по ст. 30, Кассационная Коллегия определяет в качестве общего правила последствия их недействительности по ст. 147. Однако, находит, что при обсуждении вопроса о последствиях, предусмотренных 2 ч. 147 ст. в отношении неосновательного обогащения, суды, по смыслу закона, имеющие своей целью борьбу со злыми, спекулятивными сделками, должны прежде всего обсудить характер сделки и, в случае отсутствия злобности и спекулятивности и установления трудового владения со стороны приобретателя ¹⁾, давать защиту трудовому владению, отвергая необходимость обращения предмета сделки в доход государства (Еж. С. Ю. 1924 г. № 30).

Во втором определении от 9 июля по делу № 3728 Курской Конторы „Хлебопродукт“ к Правлению Московско-Казанской жел. дор. о поставке лесоматериалов по договору, Кассационная Коллегия высказывается, что при несомненности заключения договора, положенного в основание иска, с нарушением постановления СТО

¹⁾ Курсив наш.

от 31 мая 1922 г. (Собр. Узак. 1922 г. № 37, ст. 443) последствия такого нарушения не подлежат определению по 30 ст. Гражд. Код. в смысле обращения неосновательного обогащения, согласно ст. 147 Гражд. Код., в доход государства, ибо установленными по делу материалами, проверенными судом, не доказано, что сделка при самом ее совершении была направлена к явному ущербу для государства и что заключение означенного выше договора в значительной мере может быть объяснено неправильным пониманием постановления СТО, в особенности в связи с последующей инструкцией, и говорит о несоблюдении требуемого законом порядка, тогда как для применения ст. 30 Гражд. Код. требуется *сознательность, злостность*¹⁾ сторон при совершении сделки с целью, как говорится в ст. 30, противной закону или в обход закону или с целью, направленной к явному ущербу для государства. (Еж. С. Ю. 1924 г. № 32).

Наконец, в третьем определении от 10 июля по иску Московского Союза Потребительских Обществ к Азербейджанскому Центральному Управлению „Азнефть“, о возврате задатка и по встречному иску „Азнефти“ к МСЮ о взыскании убытков, Кассационная Коллегия дает вполне ясную формулу, которой надлежит руководствоваться при определении последствий недействительных сделок, признаваемых таковыми по ст. 30. Содержание этой формулы таково: при определении последствий недействительности договора, совершенного в обход закона, ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору, а неосновательное обогащение должно подлежать обращению в доход государства (30, 147 и 402 ст.ст. Гражд. Код.). Однако, так как основной целью ст. 30 Гражд. Код. является борьба с противозаконным и спекулятивными сделками, а равно и со сделками, направленными при совершении их к явному ущербу для государства, то в каждом отдельном случае суду надлежит, в особенности по сделкам, совершенным госорганами и госпредприятиями, точно установить, имеется ли на лицо *злостность* и *сознательность* нарушения закона со стороны лиц, заключивших сделку, и в случае точно установленного отсутствия этих условий, не исключая личной уголовной ответственности лиц, совершивших незаконную сделку, признать сделку недействительной и ничтожной без тех последствий, которые указаны в 147 и 402 ст.ст. Гражд. Кодекса, а с общими

¹⁾ Курсив вали.

последствиями, определяемыми для ничтожных сделок по ст. 151 в смысле лишь возвращения сторон в первоначальное положение до сделки (Еж. С. Ю. 1924 г., № 38).

Таким образом, критерий, выработанный судебной практикой для определения последствий недействительности сделки по 30 ст., сводится к нижеследующим положениям:

1) В качестве общего правила, сохраняют свое действие ст.ст. 147 и 402.

2) Ст.ст. 147 и 402 не применяются в тех случаях, когда из обстоятельств дела с несомненностью вытекает, что сделка никаких спекулятивных целей не преследует и что у сторон при ее заключении не было злостной или сознательной воли нарушить закон.

3) Поскольку суд установит, что стороны при заключении действовали bona fide, он, уничтожая сделку, возвращает их, согласно правилу ст. 151, в первоначальное положение, в котором они были до совершения сделки.

Таким образом, выдвигая при определении последствий недействительной сделки субъективный момент, судебная практика тем самым, с одной стороны, отказывается от требования закона об автоматическом применении ст.ст. 147 и 402, с другой, — проводит определенную грань между условиями, необходимыми для определения последствий этой недействительности. Поскольку сделка нарушает ст. 30, она должна быть признана недействительной во всяком случае. Однако, не всякая недействительная с точки зрения ст. 30 сделка влечет за собою последствия, предусмотренные ст.ст. 147 и 402. Легальный итами из безусловного превращается в эвентуальный.

Нет сомнения, что та позиция, которую заняла в данном случае судебная практика, близка по своему существу к той позиции, на которой стоят новейшие западно-европейские законодательства — Германское уложение и Швейцарское обязательственное право. Однако, они не тождественны. Там реституция ограничивается по началу mala fides, у нас реституция только допускается при условии bona fides. Там для ограничения реституции требуется mala fides лица, учинившего удовлетворение по сделке, у нас для допущения реституции — bona fides сторон, т. е. всех участников сделки, по моменту ее совершения. Тем не менее, нуть, по которому пошла судебная практика, признав значение за субъективным моментом, теоретически в целом является вполне правильным. Конечно, требование для реституции, чтобы непременно обе сто-

роны в момент совершения сделки действовали bona fides, единичном общеправовом, — и в этом его недостаток. Его строгое соблюдение на практике может повести в отдельных случаях к жизни несправедливости. Это те случаи, когда окажется, что при заключении сделки действовала недобросовестно только одна сторона, тогда как другая проявила полную добросовестность. Примененные в этом случае ст.ст. 147 и 402 безусловно были бы для последней незаслуженной карой. Но то, что не досказано, предполагает быть досказанным. Кассационная Коллегия по составу рассматриваемых случаев, дала, в качестве критерия для разрешения вопроса о последствиях недействительности сделки по ст. 30 лишь общую, суммарную формулу. Но дав ее, решив проводить ее в жизнь, она тем самым неминуемо поставила себя и перед необходимостью ее углубления, ее дальнейшей разработки. Это лишь вопрос времени и повода, но не принципа.

**Практика Верховного
суда УССР.**

В противоположность Верховному Суду РСФСР Верховный Суд УССР выдвигает момент объективный. Согласно его циркуляра 1924 года за № 36, „совершение сделок на домостроения в сельских местностях, связанных с сельским хозяйством, в период времени с 1 января 1919 г. по 18 октября 1921 г. (время опубликования закона СНК „О разрешении сделок с недвижимостью“) являлось незаконным и при рассмотрении этих сделок судом необходимо применять ст.ст. 30 и 147 Гражд. Код. Однако, в отношении поворота такой сделки необходимо руководствоваться принципом хозяйственной целесообразности¹⁾, дабы применением поворота сделки не разрушить хозяйства, созданного владельцем спорного строения и тем не подорвать производительности данного хозяйства, для выяснения чего в каждом отдельном случае надлежит запрашивать мнение местного Райисполкома“²⁾. Ту же мысль развивает и Гражданская Кассационная Коллегия Верховного Суда в своем определении от 15 февраля 1924 г. по делу Шевченко: „Принимая во внимание: 1) что договор об обмене имущества Гражданским Кодексом приравнен к договору купли-продажи (ст. 206 и 207), 2) что предмет обмена являлись, согласно сделке от 25/XII—1921 г., не только домостроения, но и усадебная земля, которая за силой 21 и 30 ст. Гражд. Код. и 26 ст. Зем. Код.,

¹⁾ Курсив наш.

не может быть объектом частного оборота; 3) что сделка обмена домостроений в сельских местностях, имеющих связь с сельским хозяйством, к числу каковых относится и спорная хата, может иметь место в исключительных случаях и то лишь с разрешения Уисполкома (прим. к ст. 1 Постановления СНК УССР от 18/X—1921 г. „Собр. Уз. и Рас.“ за 1921 г. № 21, ст. 600); 4) что применение Парсудом к данным правоотношениям прим. 1 к ст. 59 Гр. Код. неправильно, ибо это примечание разрешает вопрос о судьбе имущества, экспроприированного в порядке революционного права государством, или, вообще, перешедших от бывших собственников к трудящимся, а отнюдь не судьбу имущества, перешедшего к контрагенту по сделке, противной закону; 5) что к данным правоотношениям Судом должны быть применены ст.ст. 30 и 36 Гражд. Код., за силою которых сделка, должна быть признана недействительной с момента ее заключения и стороны могут быть восстановлены в прежнее положение, исходя из соображений хозяйственной целесообразности и социального их положения и т. д.¹⁾ Та же мысль повторяется и в определении от 21 марта 1924 г. по делу Берзинговых: „Верховный Суд находит: 1) сделка купли-продажи домостроения, совершенная в 1919 году (в июле), является незаконной и, хотя ответственность по 139 Уг. Код. погашается амнистией 7/XI—1922 г., однако она должна быть признана недействительной с последствиями, предусмотренными 30 и 147 ст.ст. Гр. Код.,—2) ввиду признания сделки продажи недействительной, возникает вопрос, подлежит ли все домостроение денационализации по своей оценке, так как несомненно, что оценка всего домостроения превышает установленный для г. Харькова размер, если часть его оценивается, согласно сделке купли-продажи, в 5000 руб. зол. довоенных,—3) по настоящему делу судами первой инстанции не установлено социальное положение сторон, не проверено, не имеют ли они, кроме спорного домовладения, других домовладений и т. д.²⁾“

Таким образом, критерий для определения последствий недействительности сделки по ст. 30, выработанный Верховным Судом УССР сводится к нижеследующим положениям.

1) Как и верховный Суд РСФСР, он, в качестве общего правила, определяет эти последствия по силе ст.ст. 147 и 402.

1) Полное собрание определений Гражд. Касс. Колл. Верховного Суда УССР за 1924 г., выпуск I, № 62.

2) Полное собрание определений Гражд. Касс. Колл. Верховного Суда УССР за 1924 г., выпуск II, № 97.

2) В отступление от этого общего правила он допускает поворот сделки, т. е. восстановление сторон в первоначальное положение по ст. 151, только в том случае, если это диктуется началом хозяйственной целесообразности и социальным положением сторон.

Следовательно, и здесь легальная санкция нарушения ст. 30 из безусловной превращена в эвентуальную. Однако, основание, по которому это превращение преводится, существенно различается по своей правовой ценности от основания, принятого Верховным Судом РСФСР. Если начало *bona fides* является началом строго юридическим, то принципы хозяйственной целесообразности и социального происхождения сторон суть только моменты экономический и политический и как таковые, конечно, не могут служить основанием для правильного разрешения чисто правовой проблемы. Нет сомнения, что эти принципы имеют вполне реальное значение для существующего правового уклада, в особенности для нашей юрисдикции. Но идти в этом отношении дальше признания за ними ориентирующей роли — и а priori выдвигать их в качестве решающих критериев абсолютно недопустимо. Это было бы равносильно отрицанию самой идеи права. За доказательством ходить далеко не надо. Достаточно поставить вопрос: можно ли опираться на эти принципы в тех случаях действительности сделки по ст. 30, когда стороны действовали при заключении ее заведомо недобросовестно или когда была налицо недобросовестность той стороны, которая претендует на ее поворот? Что остается от права, если следовать в этом случае за указанными принципами?

Ясно, что Верховный Суд УССР переоценил значение этих принципов — и в этом его ошибка. Критерий в данном случае может быть только один, именно тот, который принят Верховным Судом РСФСР: *bona fides* сторон при заключении сделки¹⁾.

¹⁾ Весьма характерно для уяснения различия в позициях, занимаемых и данным случае Верховным Судом УССР и Верховным Судом РСФСР определение Пленума последнего от 26 октября 1925 г. (прот. № 18), в котором он категорически отрицает допустимость применения принципа хозяйственной целесообразности в качестве критерия при разрешении вопроса о последствиях, нарушения ст. 30 в сделках со строениями (Ежг. Сов. Юст. 1925 г. № 44—45). Особое внимание здесь следует обратить на то обстоятельство, что это определение касается как раз по тому же вопросу, в разъясненном Верховным Судом УССР издал вышеприведенный циркуляр с указаниями на то, что Верховный Суд УССР издавал подобные указания при повороте подобных сделок руководствуясь принципом хозяйственной целесообразности.

